

между фактическим результатом действия правовых норм и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы приняты¹.

В чем ценность такого определения? Оно указывает на необходимость сравнения, сопоставления полученного результата с социальной целью. В тоже время данное определение нельзя рассматривать в качестве измерительного инструмента. Оно служит лишь методологической основой для подхода к изучению проблемы эффективности норм права.

Мархгейм Марина Васильевна,
д.ю.н., проф., заведующая кафедрой
конституционного и муниципального права
(НИУ «БелГУ», Белгород)

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Суверенитет относится к числу тех категорий, которые неизменно привлекают внимание ученых – представителей различных гуманитарных наук. Прикладываются усилия по его понятийному уточнению, содержательному раскрытию, субъектной принадлежности, видовому анализу и т.п. Наиболее ёмко данные аспекты суверенитета рассматриваются юридической наукой, помимо прочего, потому, что через их понимание формируются публичные механизмы его охраны и защиты². Предлагаем обратиться к исследованию доктринальных и конституционных траекторий именно государственного суверенитета.

Суверенитет относится к тем атрибутам государства, по поводу которых сформировался относительный доктринальный консенсус. Можно утверждать, что государство опосредуется совокупностью материальных (территория и население) и «абстрактных» (власть, суверенитет) признаков. При этом собственно суверенитет делает государство государством, а претензия на суверенитет опосредует возникновение нового.

По мнению В.Д. Зорькина, суверенитет позволяет государству

---

¹ Эффективность правовых норм / Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. – М.: Юрид. лит., 1980. – С.22.

² См., например: Иванов В. Теория государства. – М.: Территория будущего, 2010. 272 с.; Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М.: Норма, 2011. 144 с.; Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2013. 400 с.; Тихомиров Ю.А. Государство: монография. М.: Норма, 2013. 320 с.; Ханс-Адам II Государство в третьем тысячелетии / Ханс-Адам II, Правящий Князь Лихтенштейна; [пер. с англ. – А.Б. Мухаметшин]. М.: Инфротропик Медиа, 2012. 320 с.

обеспечивать верховенство в его собственных пределах, независимость и самостоятельность во внешних и внутренних делах¹. В этой связи может сложиться представление о существовании «внутреннего» и «внешнего» суверенитета. В рамках процессов интеграции и глобализации государствам предлагается все в большей мере ограничивать свой суверенитет путем согласия передать часть своих полномочий органам и организациям политического, военного, экономического, правозащитного, иного толка. Оказавшись ограниченными в своих действиях скрепленными договоренностями, государство утрачивает возможность быть корректно сравненным с другим государством по критерию «суверенного равенства», который в качестве принципиальной позиции отражен в Уставе ООН. Получается, что для государства-члена какого-либо альянса возможность действовать независимо, самостоятельно, а, значит, суверенно, превращается из признанного публично-правового свойства в политически опосредованную целесообразность. Следовательно, государство не может действовать согласно своим национальным интересам, а подвержено влиянию неких иных факторов. Примеров этому в истории и современности достаточно много. По словам Г.В. Мальцева, суверенная власть – это конечная власть в пределах государства, выше нее нет никакой властной инстанции, над ней не стоят законы иной власти², то есть никто не может издавать в отношении суверенной власти обязательные приказы и принудительно их обеспечивать. Наоборот, в случае нарушений установленного государственной властью порядка все субъекты обращаются именно к ней за защитой своих прав.

Применительно к данному тезису считаем необходимым привести позицию К. Шмитта, который утверждал, что суверен тот, «кто принимает решение о чрезвычайном положении»³, «в чьей компетенции должен быть случай, для которого не предусмотрена никакая компетенция»⁴. Понимая чрезвычайное положение не как специальный режим, а как «приостановление действия всего существующего порядка», он считал, что правопорядок при этом отсутствует, тогда как государство продолжает существовать в силу так называемого права на самосохранение.

---

¹ Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. 2004. Т.2. № 3. С.1.

² Мальцев Г.В. О распределении власти в обществе // Политика и общество. 2009. № 10. С. 14.

³ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. М., 2000. С.15.

⁴ Шмитт К. Указ. соч. С.22.

При этом исключительный случай также остается доступным для юридического познания, потому что оба элемента и норма, и решение остаются в рамках юридического. Суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности. Он обладает монополией этого последнего решения. В этом, по мнению К. Шмитта, состоит «сущность государственного суверенитета, который, таким образом, юридически должен правильно определяться не как властная монополия или монополия принуждения, а как монополия решения... Исключительный случай выявляет сущность государственного авторитета яснее всего. Здесь решение обособляется от правовой нормы и (сформулируем парадоксально) авторитет доказывает, что ему, чтобы создать право, нет нужды иметь право»¹.

Полагаем, что в современных условиях позиция В. Иванова относительно того, что «традиционные» определения суверенитета следует корректировать с учетом децизионистской (от англ. decision – решение – *уточнение наше*) доктрины Карла Шмитта, заслуживает внимания².

Рассмотрим устоявшиеся подходы к трактовке государственного суверенитета.

Автор термина «суверенитет» Ж. Боден раскрывал его через государственную власть, обладающую особыми характеристиками постоянства, непроемкости, неподотчетности суверена кому бы то ни было, выражающими, по существу, верховенство этой власти. Аналогично рассуждали о верховной власти Г. Гроций и Б. Спиноза, меняя лишь ее носителя или условия осуществления; Т. Гоббс, Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо.

В среде отечественных государствоведов XIX – нач. XX вв. не было понятийного единодушия по поводу суверенитета. При этом Л.А. Тихомиров, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин, рассуждения о государстве связывали с вопросом о его власти, наделяя качествами верховенства, независимости, самостоятельности³.

Пониманию суверенитета обращались в своем научном творчестве Н.И. Палиенко (суверенитет как «характер, свойство власти, в силу которого она является высшею, независимую правовую властью», которая

¹ Шмитт К. Указ. соч. С.25-26.

² Иванов В. Теория государства. – М.: Территория будущего, 2010. С.16.

³ Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М.: Трим, 1993. С. 40-43; Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1917. С. 225-226; Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 1: Общее государственное право. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1894. С. 58-78.

«может принадлежать только государству»¹), Г.Ф. Шершеневич («суверенитет есть необходимое свойство государственной власти», выражающее её независимость извне и верховенство внутри²), А.С. Яценко. Н.И. («из ряда других политических союзов государство выделяется издавна суверенитетом объединяющей его власти»; суверенная власть выступает как высшая, которая «имеет право над пределами своей компетенции», «юридически-самоопределяющаяся»³).

Суверенитет как «состояние полновластия государства на своей территории и его независимости от других государств», органически присущие государственной власти свойства верховенства и независимости определяли И.Д. Левин⁴ и В.С. Шевцов⁵. Аналогичный подход к пониманию суверенитета в трудах отечественных ученых-юристов сохраняется⁶.

В зарубежной правовой мысли государственный суверенитет определялся как отрицание подчинения или ограничения государства другой властью (Г. Еллинек⁷), как повелевающая власть государства, которая складывается из власти хотеть (выражать свою волю) и независимой власти повелевать (Л. Дюги)⁸.

Считаем необходимым подчеркнуть, что суверенитет принадлежит всему государству. Он, как и власть, атрибут государства, поэтому рассматривать их целесообразно в совокупности. Именно такой признак

¹ Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и её правовое значение. Ярославль: Типография Губернского правления, 1903. С.438.

² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 1: Часть теоретическая. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. С. 215.

³ Яценко А.С. Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. Т. 1. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 196, 218-219.

⁴ Левин И.Д. Суверенитет: монография. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 39.

⁵ Шевцов В.С. Суверенитет советского государства / В.С. Шевцов. – М.: Юридическая литература, 1972. С.71.

⁶ См., например: Грачев Н.И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития: монография. М.: ООО «Книгодел»; Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2009. С. 36-98; Крылов Б.С. Государственный суверенитет: современные проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 6. С. 2-6; Кузьмин Э.Л. О государственном суверенитете в современном мире // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 84; Макуев Р.Х. Несостоятельность идеи «ограниченного» суверенитета // Государство и право. 2008. № 9. С. 24; Правовые проблемы определения и реализации государственного суверенитета на современном этапе: монография / под ред. А.К. Скочикова, И.В. Яковюка. М.: ООО «НИПКЦ Восход – А», 2010. С. 19.

⁷ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2004. С. 457-466.

⁸ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства: монография. – М.: ИНФРА-М, 2013. С.77.

государства, как суверенитет, делает власть государственной, а потому государственная власть не может быть несuverенной. Поддерживаем мнение С.А. Авакьяна, согласно которому суверенитет государства предполагает суверенитет государственной власти, а их искусственное разделение представляется «надуманным»¹.

Отметим, что верховенство власти в сопряжении с суверенитетом государства не сводится к конкретному объему государственно-властных полномочий. При этом пока государственная власть может менять установленный ею набор и порядок осуществления властных полномочий, она остается верховной и суверенной. В этой связи заслуживает упоминания мнение А.А. Чобан, согласно которому «суверенитет зависит не от объема осуществляемых властью функций, а от свободы государства возлагать на себя те или иные полномочия или отказываться от них»².

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, уважение государственного суверенитета выражается в том, что международные обязательства принимаются посредством согласования позиций суверенных государств, воли которых юридически равноправны³. При этом нельзя не брать во внимание, что в современном мире все государства связаны определенным набором обязательств, исходящих из общепризнанных принципов международного права, в числе которых запрет агрессии, уважение прав человека и суверенитета других государств. За их нарушение международное сообщество предусмотрело возможность применения принудительных мер. Этим, по замыслу, должны быть связаны в равной степени все существующие государства, что делало бы их равными в юридическом положении. Однако политика двойных стандартов ставит исходную международно-правовую идею и норму под сомнение. Это отбрасывает заметную тень на международное право, трактуемое, помимо прочего, как согласованная добрая воля суверенных государств, равно как и на универсальные международно-правовые институты, призванные отстаивать общие интересы, а не обслуживать

---

¹ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учеб. курс в 2 т. Т. 1. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 363.

² Чобан А.А. Государственный суверенитет: теоретико-правовые аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993. С. 8.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации - Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4169.

«известного заказчика». Отсюда почва для выводов о том, что суверенитет носит лишь формально-юридический характер, реального (фактического, политического) суверенитета, в особенности во внешнем аспекте, у большинства государств нет¹. При этом экономическая мощь, военная сила и ресурсы государства выступают важными гарантиями суверенитета, но не определяют и не подменяют его.

Суверенитет, будучи атрибутом государства, не обязательно упоминается в конституциях стран, что не делает их не суверенными. Положения о суверенитете оказываются в конституции страны по ее усмотрению. Российская Федерация посчитала это необходимым, в силу чего в ее Конституции определено, что источником суверенитета в Российской Федерации является ее многонациональный народ (ч. 1 ст. 3), что суверенитет России распространяется на всю ее территорию (ч. 1 ст. 4). Меры по охране суверенитета нашей страны принимает Президент (ч. 2 ст. 80). Помимо этого указывается, что Россия обладает суверенными правами на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне, которые реализуются в соответствии с федеральными законами и нормами международного права (ч. 2 ст. 67).

Государства Европы могут быть отнесены к одной из двух групп – упоминающие о суверенитете в своих конституционных актах и не упоминающие о нем. В первой группе конституционные нормы о суверенитете выражены в разных лексических формах, но одинаково по своей сути: государство суверенно, независимо, свободно, едино и неделимо, обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории и конституционного строя².

Во второй менее многочисленной группе стран о суверенитете в конституционном формате речи не идет. Это, в частности, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Швеция³.

В юридической науке помимо рассмотрения суверенитета в качестве сущностного признака государства⁴, он предстает и как принцип

---

¹ Иванов В. К критике современной теории государства. М.: Территория будущего, 2008. С. 11-23; Кокошин А. Реальный суверенитет. М.: Европа, С. 42-53; Коломер Ж.М. Великие империи, малые нации: Неясное будущее суверенного государства // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: реферативный журнал. 2011. № 1. С. 11-17.

² См., например: Конституция Греции // Конституции государств Европейского Союза. – М.: Норма – Инфра-М, 1999. С.245; Конституция Испании // Там же. С.371; Конституция Итальянской Республики // Там же. С. 423; Конституция Португальской республики // там же. С. 521; Конституция Финляндии // Там же. С. 613.

³ Конституции государств Европейского Союза. – М.: Норма – Инфра-М, 1999.

⁴ См., например: Бредихин А.Л. Указ. соч. С. 5; Чиркин В.Е. Современное государство: моногра-

права¹. Конституционные принципы, к числу которых относится принцип суверенитета, представляют собой «базовые мировоззренческие юридические предписания», «общие исходные идеи», «руководящие начала права»², в которых выражается учредительная природа конституции, закрепляются основы организации власти государства³.

Полагаем, что продуктивно рассматривать принцип суверенитета с аксиологических позиций. Суверенитет России наряду с демократической государственностью, государственным единством (В.Е. Чиркин⁴), свободным человеком, целостностью демократического социального правового государства (Б.С. Эбзеев⁵), народовластием (В.Д. Зорькин⁶) отнесен к числу базовых, конституционно значимых ценностей.

Таким образом, государственный суверенитет продолжает свое движение в доктринальном и конституционном смыслах, оставляя интересные смысловые и практические траектории через века и континенты. Прирастая идейными и формальными находками, государственный суверенитет укрепляет позиции как аксиологическая константа, которую еще предстоит постичь.

Олейник Николай Николаевич,
д.и.н., проф., профессор кафедры
конституционного и муниципального права
(НИУ «БелГУ», Белгород)

НЕОДНОРОДНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ КАК ФАКТОР ПОТЕНЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Различия между Востоком и Западом Украины разительны. Чтобы выяснить их глубину, прежде всего, необходимо обратиться к истории.

О жизни украинцев в империи Габсбургов можно сказать одним

фия. М.: Международные отношения, 2001. С. 15.

¹ См., например: Ереклинцева Е.В. Проблемы определения суверенитета в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 5. С. 3-8; Крылов Б.С. Государственный суверенитет: современные проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 6. С. 2-6; Левин И.Д. Указ. соч. С. 11-18.

² Гаджиев Г. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 22-24.

³ Абрамова О.К. Конституционные ценности как особая форма выражения права // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 12. С. 24-25.

⁴ Чиркин В.Е. Двадцать лет Конституции России // Гражданин и право. 2013. № 11. С. 15.

⁵ Эбзеев Б.С. Указ. соч. М.: Проспект, 2014. С. 6.

⁶ Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 15.